

УДК 82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.1.064

«БАБА-ЯГА» Н. А. ТЭФФИ: ПРОБЛЕМА ЖАНРА И АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ МОТИВЫ

О. Г. Тишкова

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов

В статье рассматривается малоизученное произведение Н. А. Тэффи «Баба-Яга» (1947), вошедшее в сборник «Земная радуга» (1952). Доказывается жанровая оригинальность «Бабы-Яги», вобравшей в себя элементы фольклорной сказки, эссе, авторской сказки. На основании переписки Тэффи с современниками, а также фактов биографии писательницы делаются выводы о связи образа Бабы-Яги с личностью автора и наличии ярко выраженной автобиографической составляющей произведения.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Н. А. Тэффи, Баба-Яга, сказка, эссе, авторская сказка.

«Баба-Яга» Надежды Александровны Тэффи, впервые опубликованная в журнале «Новоселье» в 1947 г. [17], в дальнейшем вошла в последний прижизненный сборник писательницы «Земная радуга» (1952). В книге уходят на второй план свойственные ранней прозе Тэффи сатирические интонации, доминирующим становится автобиографическое начало. Л. Львов писал о «Земной радуге»: «Это как бы последнее ее слово к нам, ее пережившим, ее прощание с жизнью. <...> в ней есть и «автобиографическое» глубоко-интимное» [7, с. 195].

Это «автобиографическое» ярко проявилось и в «Бабе-Яге». Именно ее выделяла Тэффи как одно из наиболее удачных произведений в книге «Земная радуга»: «Лучшие вещи там – “И времени не стало”, “Слепая” и “Баба-Яга”» [15].

В рецензии на сборник М. Алданов отметил, что «книга имеет очень большой успех у читателей и критиков» [1, с. 295], а в письме к Тэффи назвал популярность книги «триумфом» писательницы [2]. Тем не менее, несмотря на успех сборника у современников, сегодня обращения исследователей к «Земной радуге» немногочисленны (Е. М. Трубилова, Д. Д. Николаев [15; 16, с. 27–28], Э. Хейбер [19, с. 343–354]), а к «Бабе-Яге» – вообще единичны [19, с. 343–345; 5, с. 60–61]). Однако, представляется, это произведение имеет концептуальное и во многом итоговое значение в творчестве писательницы.

Ранее Тэффи уже обращалась в своем творчестве к образу Бабы-Яги, что свидетельствует о его особой знаковости для писательницы. В на-

© Тишкова О. Г., 2025

писанной в первые годы эмиграции «Сказочке» (1923 г., сб. «Рысь») Баба-Яга выступает в качестве образа русского человека в эмиграции, символизирует оставленную родину (см.: [13]). Позднее, в 1932 году, Тэффи обработала русскую народную сказку и выпустила книгу для детей «Баба-Яга. Народная сказка». В книге традиционный сказочный образ приобрел индивидуально-авторскую интерпретацию, в которой уже можно заметить автобиографические черты (см.: [14]).

В 1947 году, уже в конце своего творческого пути, Тэффи вновь обратилась к сказочному персонажу. Однако теперь она создает особый, основанный на фольклорном, но все же глубоко отличный от него образ, на формирование которого оказала значимое влияние биографическая ситуация писательницы и процесс ее осмысления.

Размышления о сущности образа сказочной старухи воплотились в произведении особой формы: в «Бабе-Яге» можно вычленить элементы разных жанров: фольклорной сказки, эссе, авторской сказки.

«Баба-Яга» была опубликована с двумя другими произведениями под общим названием «Восток и Север» и подзаголовком «Три сказки». Через подзаголовок Тэффи подчеркивает соотнесенность текста с жанром сказки. Кроме того, главная героиня произведения, чье имя вынесено в заглавие, – популярный персонаж русских народных сказок.

В тексте присутствуют и некоторые элементы фольклорной сказочной поэтики: традиционные сказочные герои (Баба-Яга, добрый молодец, падчерица, мачеха), сюжет с участием мачехи и падчерицы. Тэффи использует традиционные для сказки постоянные стилистические формулы («Избушка, избушка, повернись ко мне лицом, к лесу задом», «Русским духом пахнет»), устойчивые словосочетания («беда неминуемая», «верная смерть», «ворота скрипучие», «дремучий лес», «широкая река»).

Однако, несмотря на несомненное присутствие фольклорной основы, «сказка» Тэффи далека от жанра русской народной сказки – это самостоятельное литературное произведение с оригинальным художественным миром.

Начало произведения написано в форме эссе: оно представляет собой авторские размышления, отправной точкой которых является заглавие произведения. Автор вспоминает, из чего для него, как и для других русских людей, складывается образ Бабы-Яги: уроки словесности, русские народные сказки, детские книжки с красочными изображениями страшной старухи. Затем автор обозначает проблему: «Слово «богиня» вызывало представление о красоте – Венера, Диана. Мы видели их статуи, образцы совершенства. Мы слышали выражение «хороша, как богиня». И вдруг эта лютая ведьма, злющая, уродливая старуха – наша богиня. Было это нелепо и смешно» [18, с. 206], – делает акцент на парадоксальности, неоднозначности образа Бабы-Яги.

Далее Тэффи резюмирует: «Да по правде говоря, кто из наших древних богов был красив?» [Там же], что влечет за собой воспоминания о других популярных персонажах народной демонологии (домовом, лешем, русалке).

Особенности языка и стиля также позволяют соотнести произведение с жанром эссе: изложение отличается эмоциональной насыщенностью, ведется оно в непринужденной форме и ориентировано на разговорную речь. Так, например, в воспоминании о русалке активно используется разговорная лексика и интонация: «Она, собственно, и не женщина, потому что у нее с половины тела рыбий хвост», «Просто бы сидела или манила – иной бы и не подошел. А если плачет – как тут не подойти. Жалко ведь. Жалостью и потянет» [Там же, с. 207]. Эмоциональная наполненность достигается применением изобразительно-выразительных средств языка: эпитетов, сравнений (домового называет «суровым чудищем», «жутким и самодуром»), сравнивает со «старым крепостником-помещиком»), глагольных форм (леший «ухал», «пугал, заводил в непроходимую чащу», «запутывал», «Ему бы только запугать, сбить с пути, погубить человека и следы бурьяном заплести») [Там же, с. 206]).

Индивидуальная авторская позиция, которая является обязательной для произведений жанра эссе, выразилась в представлении об уникальности и особой значимости образа Яги. Перечислив русских «богов», Тэффи делает неожиданный вывод: «Баба Яга, самая из них лютая, самая и интересная. И самая она русская. У других народов таких богинь не было» [Там же, с. 207].

Далее произведение приобретает черты авторской сказки. Тэффи останавливается на образе Бабы-Яги, раскрывает его, опираясь на собственное авторское видение и привлекая сказочный, мифологический материал. В «Бабе-Яге» содержатся фольклорные элементы, но в сюжетно-композиционном плане она не повторяет народную сказку, происходит переосмысление традиционных для сказки персонажей.

Тэффи использует традиционные сюжеты (сюжет с участием «добраго молодца», сюжет с падчерицей и мачехой), но комбинирует их в рамках одного произведения: сначала приходит «добрый молодец», затем «девочка-сиротка». Далее повествование выходит за пределы фольклорных сюжетов и получает оригинальное авторское продолжение – дождавшись зимы, Баба-Яга покидает свою избушку, летает «вьюжной песней над землей», замораживает путника. При этом Тэффи опирается уже на мифологические источники. Она изображает полет Бабы-Яги в виде «богини вьюг и метелей» [Там же, с. 206], обращаясь тем самым к славянской мифологии, в которой Яга тесно связана с представлениями о природных стихиях [3, с. 54]; сравнивает ее с Валькирией – героиней скандинавской мифологии [8, с. 113].

Кроме того, «Баба-Яга» обладает характерной для авторской сказки повышенной степенью психологизма. В фокусе внимания Тэффи находится внутренний мир Яги. «Страшная, костлявая» «дикая старуха» из детских книжек представлена глубоко чувствующей, наделена широким спектром эмоций.

Обращает на себя внимание отчетливая связь образа Бабы-Яги с личностью писательницы, что позволяет говорить о яркой автобиографической составляющей произведения. Близость автора и героини произведения отметила и Э. Хейбер, назвав Бабу-Ягу «литературным двойником» Тэффи [19, с. 345]. Взаимосвязь авторского начала с образом героини прослеживается на различных уровнях: фактологическом, эмоционально-психологическом, мировоззренческом.

К 1947 году, времени публикации эссе, Тэффи уже находилась в преклонном возрасте. За свою долгую жизнь ей пришлось многое пережить: революцию, тяготы эмиграции, Вторую мировую войну, во время которой Тэффи пережила немецкую оккупацию. Все более настойчиво дают о себе знать серьезные проблемы со здоровьем: она страдала заболеванием сердца, невритом, из-за чего испытывала мучительные боли и трудности в писательской деятельности.

Слабость, последствия приступов зачастую приковывали Тэффи к постели, о чем она часто писала Буниным: «Здоровьишко у меня хлипкое, и надо долго отлеживаться, когда устаю» [9, с. 511] (1944), «Я еще лежу. Слаба» [Там же, с. 547] (1947), «Мне, верно, еще до-о-олго лежать» [Там же, с. 552] (1948), «Я все лежу. <...> Пролежала сутки, не двигаясь и не говоря ни слова» [Там же, с. 558] (1948), «Я все еще лежу» [Там же, с. 559] (1948).

Так же, как и обездвиженная, запертая в темной комнате Тэффи, томится в тесной избушке Баба-Яга: «И вот сидит Яга в своей избушке на курьих ножках. Уперлась в лес носом. Ску-у-у-учно» [18, с. 208]. Вместо безудержного полета, свободы Баба-Яга вынуждена лежать на печи («Темно, тепло в избушке на курьих ножках. <...> На печи лежит Баба Яга. С ледяных волос капает вода на пол. Торчит из-под тряпок костяная нога. Ску-у-учно» [Там же, с. 209]), как и прикованная к постели Тэффи, изнемогающая от своего вынужденного заточения: «Лежу. Это, наверное, скучно. Но мне все равно» [9, с. 552] (1948).

Лишенная полноценной жизни, общения, передвижения Тэффи чувствовала себя колоссально одинокой: «Я мало кого вижу, поэтому» <то> гости утомляют. Лежу в страшной тоске совсем одна» [Там же, с. 547] (1948); «Я все время одна» [Там же, с. 556] (1948). Созвучное ей самой угнетающее состояние одиночества подчеркивает Тэффи и в сказочной старухе: «Жила Баба Яга одна. С нею только кот. Полного одиночества даже Яга вынести не могла» [Там же, с. 207]. Интересен и тот факт,

что спасением от одиночества для Бабы-Яги оказывается кот, как и для самой Тэффи, которая была крайне неравнодушна к кошкам.

Описывая эмоциональное состояние Бабы-Яги, Тэффи использует слово «Ску-у-учно». Оно употребляется трижды в разных частях текста – тем самым Тэффи применяет сказочный художественный прием троекратного повторения. Кроме того, слово «ску-у-учно» вынесено в сильную позицию – конец текста – именно так заканчивается произведение. С помощью такого комплексного приема (троекратный повтор, постановка в сильную позицию) Тэффи фокусирует внимание читателя на самом важном в произведении – внутреннем состоянии героини (и самой Тэффи), делает акцент на скуке.

О важности понятия / состояния скуки для писательницы говорит тот факт, что этим же словом Тэффи часто обозначает собственные душевные переживания в своих письмах. Примечателен тот факт, что в схожей орфографии данное слово встречается в одном из писем Тэффи к Дону-Аминадо еще в 1920–1930-е гг.: «Мне ску-учно. Как псу. Мысли черно-лиловые: придется осенью делать свой вечер, а как его делать – не знаю. Вот что лежит на дне моей пустой души. Хочу переменить ремесло. Литературой жить больше нельзя. Невыгодно и скучно» [6, с. 62].

В одном из писем к Бунину в 1947 году, в год выхода рассказа «Баба-Яга», Тэффи констатирует: «Скучно, скучно, скучно» [9, с. 543]. Этим словом писательница обозначает целый комплекс чувств, характерных для нее в этот период: тоска, усталость, отчаяние («Проснусь, и кажется мне, что я молодая и веселая, засыпаю, и снится мне тоска, усталость, покой, похожий на безнадежность» [Там же, с. 566]). Возвращение к жизни после серьезного сердечного приступа дается Тэффи тяжело: «Возвращаться в жизнь мне очень скучно» [Там же, с. 559].

Сущность подобного состояния точно выразил Н. А. Бердяев: «Скука говорит о пустоте и пошлости этого низшего мира. Нет ничего безнадежнее и страшнее этой пустоты скуки. В тоске есть надежда, в скуке – безнадежность» [4, с. 63], «Обыденность, повторяемость, подражание, однообразие, скованность, конечность жизни вызывают чувство скуки, притяжение к пустоте» [Там же, с. 69].

Путь преодоления скуки философ видит в творчестве: «Скука преодолевается лишь творчеством» [Там же, с. 63]. Именно в этот период Тэффи переживает творческий кризис. В 1944 году она признается Бунину: «Я ровно ничего не делаю в смысле писательском. Неинтересно. Скучно» [9, с. 504]; в 1948 году пишет ему же: «А я совсем, вероятно, не смогу больше писать. Печататься негде, а я в пространство не умею» [Там же, с. 566]. В дальнейшем подобное настроение усугубляется проблемами со здоровьем. В 1948 г. Тэффи вновь жалуется Бунину: «Очень удивил меня Ваш совет приняться за работу. Писать в «Н<овое> р<усское> сло-

во». <...> Меня даже чтение утомляет – ну как я могу писать, сочинять?! Мне даже просто жить трудно» [Там же, с. 579–580].

Подобные эмоции в сложный период жизни за рубежом были характерны не только для Тэффи, но и для многих эмигрантов старшего поколения. В мемуарной записи военного времени писательница говорит о скуке как состоянии, свойственном русским эмигрантам, и объясняет ее причины: «Немало гоняли нас по всему свету и войны и революции. Но прежде это было ново и интересно и возбуждало нервы. А теперь все так знакомо и так скучно» [10, с. 536–537].

Преклонный возраст, заболевание, из-за которого писательница находилась в состоянии между жизнью и смертью, невозможность печататься, безденежье и одиночество приводят к тому, что в письмах Тэффи все чаще звучат мысли о смерти. Жизнь для нее – борьба, на которую уже нет сил ни телесных, ни душевных: «Здоровьишко мое лучше, но настроение хуже. Как подумаю, что придется возвращаться в ту же жизнь, но потеряв силы и душевные и телесные. Точно солдаты, потерпевшие поражение, сомкнули ряды и увидели, что от их полка осталось пять человек, а сражаться приказано» [9, с. 571] (1948). После одного из приступов болезни, во время которого Тэффи находится на пороге смерти, она признается Бунину: «Самое безрадостное, что я, по-видимому, вернусь в жизнь, а жизнь эта мне не нравится. Я погасла» [Там же, с. 556] (1948).

В результате, писательница желает приближения смерти: «Все надеюсь, что скоро помру ...» [Там же, с. 480] (1940); «Жизнь так грустна – иное дело смерть» [Там же, с. 485] (1942), «А все-таки хорошо, что недолго осталось» [Там же, с. 564] (1948). В одном из писем к А. Седых Тэффи иронично замечает: «Все мои сверстники умирают, а я все еще чего-то живу. Словно сижу на приеме у дантиста, он вызывает пациентов, явно путая очередь, а мне неловко сказать, и я сижу, усталая и злая» [12, с. 86].

На этом фоне представляется не случайным обращение к образу Бабы-Яги. Ее связь с семантикой смерти описана в исследованиях В.Я.Проппа, который отмечал, что Баба-Яга «напоминает собой труп, труп в тесном гробу или в специальной клетушке, где хоронят или оставляют умирать. Она – мертвец» [11, с. 70].

Однако если в народной сказке смерть / Баба-Яга имеет негативный контекст, то в рассказе Тэффи «страшная, костлявая» сказочная Баба-Яга, которая «детей ест», представлена скорее положительным персонажем, мудрой старухой, к которой люди шли «выпытывать разные мудрые тайны» [18, с. 207]. При этом положительные в традиционной сказке герои, показанные с точки зрения Бабы-Яги, приобретают противоположную функцию (добрый молодец – «проныра», «Кот изменник, ворота нечестные», падчерица – «девчонка-заморыш», «подлая»), а в качестве жертвы выступает Баба-Яга.

Но как желает Тэффи освободиться от «некрасивой и мучительной» [9, с. 580] (1948), по ее словам, жизни, так и героиня ее произведения стремится на свободу – прочь от тесной избушки, от жизни, наполненной обманом и изменами. Свобода для Бабы-Яги Тэффи – стихия холода, зимы, вьюги: «И вот, наконец, зима. <...> Заметет пурга дороги, закрутит вьюга хрустальную пыль, запоеет, завоет метель. Пора!» [18, с. 208]. Теперь это уже не разочарованная в жизни одинокая старуха, а «страшная, могучая» Яга, которая «вольная летит вьюжной песней над землей» [Там же]. Сливаясь со стихией, героиня несет смерть: «Рыщет по полям, по долам – кого бы замучить» [Там же, с. 209].

В контексте произведения смерть приобретает положительную семантику, дополнительные коннотации свободы, воли, оказываются связаны со спектром положительных чувств. Так, Баба-Яга встречает одинокого путника и замораживает его. Вместо ужаса, душа путника, встретившись с Ягой-смертью, испытывает радость: «никогда в жизни не знала она такого восторга» [Там же].

Главной мыслью произведения становится фраза, обращенная к Бабе-Яге, где звучит авторский голос: «Бери меня в твою смерть – она лучше жизни» [Там же]. В ней выражено мироощущение самой Тэффи в последний период ее жизни: смерть представляется желанной, несущей освобождение от безрадостной действительности.

Таким образом, «Баба-Яга» Тэффи – оригинальное в жанровом отношении литературное произведение: в нем присутствуют элементы фольклорной сказки, эссе, авторской сказки.

Первая часть произведения, выполняющая вводную функцию, написана в форме эссе. Она представляет собой размышления о Бабе-Яге и других персонажах народной демонологии, изложенные в форме воспоминаний. Отчетливо прослеживаются основные жанровые особенности эссеистического стиля (эмоциональность, образность, установка на разговорную лексику), присутствует ярко выраженная авторская позиция.

Затем «Баба-Яга» приобретает черты авторской сказки. Писательница творчески опирается на жанр русской народной сказки: использует сказочные сюжеты, систему персонажей, элементы сказочной поэтики. С жанром сказки произведение также связано через эпиграф и заглавие. Однако «Баба-Яга» Тэффи далека от фольклорного первоисточника. Сказочные сюжеты приобретают авторскую трактовку и развитие. Подвергается трансформации традиционная система персонажей: положительные герои приобретают отрицательную функцию, а Баба-Яга, наоборот, вызывает сочувствие.

Бабу-Ягу Тэффи наделяет индивидуальностью, которую в фольклорной сказке встретить невозможно. На первый план писательница выдвигает внутренний мир Яги, ее оценку происходящего и персонажей, она оказывается глубоко чувствующим, рефлексирующим героем.

Можно говорить о наличии в произведении углубленного психологизма, который в данном случае является одним из способов выражения авторского, автобиографического начала. Персонаж русских народных сказок оказывается близок писательнице в конце ее жизненного и творческого пути.

Созданный Тэффи образ Бабы-Яги имеет яркую автобиографическую обусловленность: в нем нашли отражение как физические страдания писательницы (болезни, прикованность к постели), так и ее эмоциональное состояние (одиночество, скука, творческий кризис), а также особенности мировоззрения: смерть как освобождение от наполненной страданиями жизни.

Список литературы

1. Алданов М. Н. А. Тэффи. «Земная радуга». Нью-Йорк: Изд-во имени Чехова, 1952 // Новый журнал. 1952. Кн. XXX. С. 295–297.
2. Алданов М. А. Письмо Н. А. Тэффи от 26 июня 1952 г // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета. Нью-Йорк. Фонд Н.А. Тэффи.
3. Афанасьев А. Н. Славянские колдуны и их свита. Москва: Рипол классик, 2009. 480 с.
4. Бердяев Н. А. Самопознание. Москва: Т8RUGRAM, 2018. 486 с.
5. Выгон Н. С. Фольклорные истоки юмористического мироощущения в русской прозе XX века (Тэффи, М. Зощенко, С. Довлатов, Ф. Искандер) // Русская литература XX века: итоги и перспективы изучения: сборник научных трудов. Москва: Советский спорт, 2002. С. 58–68.
6. Желтова Н. Ю. Письма Н. А. Тэффи Дону-Аминадо (А.П. Шполянскому) // Филологическая регионалистика. 2016. № 2 (18). С. 60–64.
7. Львов Л. Памяти Н. А. Тэффи // Возрождение. 1952. № 24. С. 194–196.
8. Мелетинский Е. М. Мифологический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1990. 672 с.
9. Переписка Н. А. Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. 1939–1948 // Диаспора: Новые материалы. Вып. 2. Санкт-Петербург: Феникс, 2001. С. 477–585.
10. Переписка Н. А. Тэффи с И. А. и В. Н. Буниными. 1948–1952 // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. Санкт-Петербург: Феникс, 2002. С. 536–626.
11. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 368 с.
12. Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк: Новое русское слово, 1976. 285 с.
13. Тишкова О. Г. Баба-Яга в рассказе Н. А. Тэффи «Сказочка» как образ русского эмигранта // Славянский мир: духовные традиции и словесность: сборник материалов международной научной конференции. Тамбов: Принт-Сервис, 2017. С. 151–155.
14. Тишкова О. Г. «Народная сказка» Н. А. Тэффи «Баба-Яга»: фольклорные истоки и индивидуально-авторское начало // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 5-1 (83). С. 35–39.

15. Трубилова Е. М. Н. А. Тэффи. «Земная радуга» // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940): в 4 т. Т. 3. Москва: РОССПЭН, 2002. С. 563.
16. Трубилова Е. М., Николаев Д. Д. «Единственная, оригинальная, чудесная...» // Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Москва: Лаком, 1997. С. 5–29.
17. Тэффи. Восток и Север. Баба-Яга // Новоселье. 1947. № 33–34. С. 33–37.
18. Тэффи Н. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Москва: Книжный Клуб Книголек, 2011. 400 с.
19. Хейбер Э. Смеющаяся вопреки: жизнь и творчество Тэффи. Санкт-Петербург: Academic Studies Press: Библиороссика, 2021. 408 с.

“BABA YAGA” BY N.A. TAFFY: THE PROBLEM OF GENRE AND AUTOBIOGRAPHICAL MOTIVES

O. G. Tishkova

Tambov State Technical University, Tambov

The article examines the little-studied work by N.A. Taffy “Baba Yaga” (1947), included in the collection “Earthly Rainbow” (1952). The genre originality of “Baba Yaga” is proved, which incorporates elements of a folk tale, essay, and author’s fairy tale. Based on Taffy’s correspondence with contemporaries, as well as facts from the writer’s biography, conclusions are drawn about the connection between the image of Baba Yaga and the personality of the author and the presence of a pronounced autobiographical component of the work.

Keywords: *literature of Russian abroad, N.A. Taffy, Baba Yaga, fairy tale, essay, author’s fairy tale.*

Об авторе:

ТИШКОВА Ольга Геннадьевна – педагог дополнительного образования кафедры русского языка и общеобразовательных дисциплин Тамбовского государственного технического университета (392000, г. Тамбов, ул. Советская, 106/5, помещение 2), e-mail: oliabober@mail.ru.

About the author:

TISHKOVA Olga Gennadievna – Teacher of Additional Education, Department of Russian Language and General Education Disciplines, Tambov State Technical University (392000, Tambov, Sovetskaya St., 106/5, room 2), e-mail: oliabober@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 12.11.2024 г.

Дата подписания в печать: 14.03.2025 г.